

ПОМУТНЕНИЕ

*поэзия это переправа через пролив,
заполненный китайскими джонками*

Иосиф Бродский заключает в себе некую тайну. Она должно быть проста и поверхностна, но утекает между пальцами, никак ее не ухватишь. Стихи у него очень похожие друг на друга, всегда. Он все время их одинаково писал: сорок лет!

Они одинаково звучат. И в них очень много смысла. Ну, кажется, по крайней мере. Там все названо своими названиями: любовь, смерть, тоска – все поимено-вано. Но для того чтобы передать боль, или дрожь, или свежесть – недостаточно просто назвать их. Здесь нет музыки слов, нет фонетической полифонии, которая собственно и создает поэзию: есть однородный размер, который длится и бубнит, небогатая рифма и бесконечные повторы и перечисления, как в словаре.

Его стихи завораживают. Их читаешь, читаешь, читаешь – какие они длинные! – и возникает ощущение, как будто вокруг носится кругами какая-то бесконечная белка, она все кружит и наворачивает, и нарастает вязкость, и состояние одури, и оцепенения, и хочется встряхнуть головой и очнуться. Потом начинаешь искать – в строчках, между словами, среди смыслов – что это было? А нет ничего, пустое.

Вот у Мандельштама, там такое шелестение, там все стихи разные, куча таких, ни на что непохожих. У него никогда нельзя угадать следующее слово. У Бродского это можно всегда – а зачем называть слово, если оно угадывается? И у Мандельштама очень много открытий из-за этого в стихе – каких-то связей между словами, вещами, настроениями, прежде неявных, может быть минутных. Слова как будто прорастают друг в друга, сплетаются, разносятся, слоятся. В них есть ветер, и морская волна, и камень. В них есть беззаконие и мало стеснительных правил.

А стихи Бродского сделаны все одинаково, как будто из грубо обрубленных чурочек деревянных. Поэтому у него так много подражателей, кстати. Был когда-то ансамбль Ласковый Май, который пел про белые розы – тут что-то очень родственное. Это бессмертная попса?

Простые рифмы, однообразный размер, доступные слова. Доверительный маток местами (сближает с массами). Самое неподражаемое – бормочущая скороговорка (для интеллектуалов, это же так необычно). Непременно ударная фраза в конце. С философией и с горьким вызовом – для любителей смыслов и сочувствующих. Вся эта шарманка настойчиво крутится в ухе и гипнотизирует читателя.

Тому кажется что тут какая-то особая проникновенность, небывалая глубина – а это просто эффект равномерного повторения.

Экспозиция очень плоская: предметы выставлены на переднем плане и подробно перечислены. Никаких вторых смыслов, фонетических аллюзий, никаких ритмических или смысловых вариаций. Всякие эти поэтические кунштюки не нужны для успеха у публики: массовый читатель таких нюансов не догоняет. Ну автор и не растрачивался. Примитивный рисунок его стихов напоминает дешевые советские ковры с простым и бесконечно повторяющимся узором – красота тоже была неописуемая.

Поэзия это внутренняя свобода. Она в повороте головы, в случайной фразе. В том как человек говорит – привет – и улыбается. Художник, который сорок лет писал одинаково, будет ненавидеть себя, в конце – за то что он с собой сделал.

*и с отвращением читая жизнь свою, я трепещу и проклинаю,
и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю...*

Пушкин стрелялся потому что стихи больше не приходили – у него получалось только повторять то, что он делал раньше. Его проза становилась с годами все лучше, но стихов больше не было. Он знал что исписался, и это терзало его неотступно, невыносимо. Он пошел на дуэль потому что ему было уже все равно: он не хотел больше жить, из-за стихов. Выйти победителем из поединка не составляло проблемы – но он больше не хотел – так.

Этот факт его биографии – поразителен. Он свидетельствует о том что первый русский бард был честен с собой. И вне зависимости от личного отношения к его стихам нужно признать что поэтический дар у него был. В нем вспыхивало это сумасшедшее пламя. Он его жаждал. Ему было за что умирать у Черной речки.

Бродского не беспокоила даже тень подобных сомнений. Творчество само по себе никогда для него не было главным. С самого детства, с той комнатки в питерской коммуналке, с невыносимой семейной обстановки, которую все безмолвно выносили, он жаждал только одного – признания.

Им двигало огромное, раскормленное это – ведь с самой юности до последнего своего дня он считал себя золотым мальчиком, которому можно все и которому ничего за это не будет.

Вот это распухшее это в сочетании с глубоким, инстинктивным даже пониманием механизма функционирования писателя в обществе, а также влияние модного среди советской интеллигенции представления о поэте как о существе высшем – и толкало его лезть в обойму. И помогло вырвать в конце концов свой возделенный нобелевский титул.

Впрочем, средний читатель не хочет обычно разбираться в таких вопросах. Ему предъявляют поэта и объявляют что это вот у нас будет гений. О чем тут еще думать?

Прочитайте его стихи последних лет. Посмотрите, сколько в них мелочного

раздражения, угрюмства и агрессии. Как коряво они составлены. Какие они уродливые и недобрые.

Они написаны в самом конце. В такие примерно годы, когда Гойя, скажем, рисовал Капричос, задыхаясь от спешки, потому что смерть могла успеть раньше. А Бродский уходил из жизни вот с этим.

Наверное, мы измельчали. Потеряли врожденное чувство достоинства, которое было у тех. Утратили брезгливость. Нам все равно в каком источнике вода прозрачней. Мы выбираем пепси.